

УДК 801.82

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-4-80-86

Белоусова Е.В.*Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»***ПИСАТЕЛИ НИКОЛАЙ И ЛЕВ ТОЛСТЫЕ**

Аннотация. Статья посвящена старшему брату Л.Н. Толстого Н.Н. Толстому, незаурядная личность и яркий писательский талант которого до сих пор не вызвал интереса у филологов, что является большим недостатком толстоведения. Впервые поднимается вопрос о поэтической эстетике Н.Н. Толстого. Автор обращает внимание на неизвестность в читательских и научных кругах его очерков «Охота на Кавказе» и рассказов. Показано его большое нравственное и литературное влияние на младшего брата. Приведены примеры сходства и отличия его стиля в сравнении с охотничьими «Записками» И.С. Тургенева и С.Т. Аксакова. Выяснено заимствование Л.Н. Толстым некоторых сюжетов из рассказов брата.

Ключевые слова: охота, Кавказ, талант, братья, дневник.

E. Belousova*L. Tolstoy Estate-museum "Yasnaya Polyana"***THE WRITERS NIKOLAI AND LEO TOLSTOY**

Abstract. The article is dedicated to L. Tolstoy's elder brother Nikolai Tolstoy whose outstanding personality and striking writer's talent haven't yet evoked the philologists' interest. This is a great flaw of the science that is studying L. Tolstoy's life and literary works. The problem of N. Tolstoy's artistic aesthetics is raised for the first time. The author turns her attention to the obscurity of his novel «The hunt in the Caucasus» and three others among the readers and literary scholars. It is explained that he had a large moral and literal influence on L. Tolstoy despite his short life. There are examples of the stylistic similarity and differences in comparison with the "hunter's notes" by I. Turgenev and S. Aksakov. The paper also reveals borrowings by L. Tolstoy of some plots from his brother's novels.

Keywords: hunt, Caucasus, talent, brothers, diary.

Изучение литературного наследия Николая Николаевича Толстого, старшего брата Л.Н. Толстого, предпринимается впервые. Современное толстоведение до сих пор проходит мимо Н.Н. Толстого, игнорируя его большое нравственное и творческое влияние на младшего брата, иногда вспоминая

о нём лишь в связи с размышлениями о творчестве Л.Н. Толстого. Давно назрели проблемы исследования философско-эстетического мировоззрения Н.Н. Толстого и отражения его эстетической программы в творчестве; изучения истоков и характера его таланта как писателя, наличия или отсутствия литературных взаимовлияний.

«Мало того, что это один из лучших людей, которых я встречал в жизни, что он был брат, что с ним связаны лучшие воспоминания моей жизни, – это был лучший мой друг» [5; с. 60, 356]; «Он был удивительный мальчик и потом удивительный человек» [5; с. 34, 386], – писал о нём Л.Н. Толстой в 1904 г., спустя 44 года после его кончины. Почему он был назван «лучшим другом» и «удивительным человеком» писателем, чей широчайший круг общения включал людей, блиставших всевозможными талантами и способностями? Поиски ответа на эти вопросы составляют цель предпринимаемого исследования. Чрезвычайно актуальна задача переиздания его произведений для того, чтобы писатель Н.Н. Толстой занял достойное место среди блестящей плеяды его современников И.И. Панаева, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, А.А. Фета, Н.А. Некрасова, Д.В. Григоровича, А.Н. Островского и других.

В 1857 г. в журнале «Современник» были опубликованы очерки Н.Н. Толстого «Охота на Кавказе»: это было единственное прижизненное издание. В 1926-1927 гг. Н.Н. Толстого вспомнили в связи с отдельным выпуском «Охоты на Кавказе» и незавершённых охотничьих рассказов. В 1987 г. в третий и последний раз его имя появилось в связи с переизданием его произведений в г. Туле. Ныне, спустя 158 лет после его блестящего литературного дебюта предпринимается четвёртая и самая серьёзная попытка исследования его жизни, творчества и литературных взаимосвязей.

«У Льва Толстого был старший брат, рано 37 лет умерший от чахотки, <...> Николенька, как его звали в семье. Он

в молодости имел сильное и благотворное влияние на своего знаменитого брата, который не только сильно любил его, но и высоко ценил, считая исключительным человеком. <...> Николай Николаевич отличался выдающимися способностями личности, и его богатый внутренний мир был так своеобразен, что он повсюду привлекал к себе общий интерес и симпатию» [7, с. 158], – писал А.Е. Грузинский в 1926 г. при подготовке к отдельному изданию «Охоты на Кавказе».

В чём же состояло «благотворное влияние» Николая на брата? С раннего детства до последних своих дней – до указания о своём последнем земном упокоении на месте «зелёной палочки»: «В том месте я <...> просил в память Николеньки закопать меня» [5; с. 34, 386], – Лев боготворил брата.

Николай указал Льву три пути жизни, и все они вели в горы – реальные и виртуальные. Первое восхождение было самым сложным; оно заключалось в самосовершенствовании и постижении смысла жизни: «Он <...> объявил нам, что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми, не будет ни болезней, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться и все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями <...>. Эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зелёной палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага Старого Заказа» [5; с. 34, 386]. Десятилетний мальчик, мечтающий о земном рае, где «все будут любить друг друга», начинает с того, что указывает туда путь братьям: «Кроме этой палочки, была ещё какая-то Фанфаронова гора, на которую, он

говорил, что может ввести нас, если только мы исполним все положенные для того условия» [5; с. 34, 386]. Лев всерьёз отнёсся к этим условиям и всю жизнь продолжал восхождение к высшим – вселенским идеалам братской любви.

Вторая дорога – вместе с Николенькой – привела его на Кавказ. Оттуда путь лежал к вершинам литературного Парнаса – и эту цель снова указал брат.

Служба двадцатидвухлетнего Н.Н. Толстого на Кавказе началась в 1846 г. 30 мая 1851 г. он привёз Льва в казачью станицу Старогладковскую на Тереке, где стояла 20-я артиллерийская бригада. Братья оказались в самом эпицентре Кавказской войны. Штурмы, осады, набеги на крепости и аулы горцев – во всех стратегических разновидностях этой войны участвовали братья, и очень быстро романтические представления о покорении Кавказа сменялись моральной оценкой происходящего: «Я делаю дурно, что иду в поход» [5; с. 46, 153], – писал в дневнике Л.Н. Толстой. Один из таких походов был описан им в рассказе «Набег», а в «Рубке леса», в вопросе офицера Болхова «Когда всё это совсем кончится?» [5; с. 3, 54] слышится чувство неуместности присутствия русского человека в этом краю. Так же думал и Николай Толстой, и это прочитывается между строк в его «кавказских» записках. «Читал прелестнейший рассказ Чеченка Николиньки. Вот эпический талант громадный» [5; с. 47, 81], – записал Л.Н. Толстой в дневнике 13 июня 1856 г., и на следующий день: «Читал Николенькин рассказ, опять заплакал» [5; с. 47, 82]. Рукопись рассказа не сохранилась. Очевидно, Л.Н. Толстого глубоко тронул сюжет, взятый из окружавшей их

трагической действительности, где центральный персонаж – Чеченка, представительница народа, на который русским предписывалось смотреть, как на низшую касту, и который следовало поработить и подчинить. Нравственное чувство взывало к участию в том, что им приказано было делать, и они находили пути оставаться людьми с живой совестью. Одним из выходов была литература: кто читал, а кто и сам пробовал писать. Именно в таких условиях братья Толстые впервые взяли в руки перо.

Во время одной из военных экспедиций, «раз вечером Лев Николаевич стал вспоминать со своим старшим братом Николаем их детство; они заговорились; воспоминаниям не было конца; вследствие этой ночной беседы был написан первый рассказ Толстого “Детство”» [4, с. 33-34]. Творческая работа серьёзно увлекла его, и 7 апреля 1852 г. он записал в дневнике: «Пошлю ли я или нет это сочинение? Я не решил. Мнение Николеньки решит это дело» [5; с. 46, 107]. Одобрение брата предопределило участь как первого произведения, так и всю творческую судьбу Толстого. В сентябрьском номере «Современника» за 1852 г. «Детство» было опубликовано.

В дневнике Л.Н. Толстого того периода среди записей о военных буднях нередко краткие замечания о совместной охоте братьев. Николай дневника не вёл, но врождённое «тонкое художественное чутьё» побуждало и его к записыванию впечатлений. Свои записки Николай прислал брату в июне 1856 г., когда Лев уже вернулся в Ясную Поляну с двух войн – Кавказской и Крымской – и прочно вошёл в отечественную литературу. «Получил я от

брата Николая Записки Охотника его, листа 3 печатных. На днях покажу Тургеневу, но по-моему прелестно. Я писал брату, чтобы он разрешил мне напечатать, и тогда вам к 9-му номеру будет славная вещь» [5; с. 60, 70], – писал он Н.А. Некрасову, назвав очерки совсем по-тургеневски. Он показал «Записки» Тургеневу, который уже был знаком с Николаем: с лета 1855 г. он находился в полугодовой отставке и жил в своём имении Никольское-Вяземское неподалёку от тургеневского Спасского-Лутовинова. В письме И.И. Панаеву Тургенев назвал «Записки» «прелестными» [3, с. 161]. Сбывалось желание Тургенева, высказанное им по поводу выхода в свет в 1852 г. «Записок ружейного охотника» С.Т. Аксакова, «чтоб другие пошли по его следам и рассказали нам все те многообразные роды охоты, до которых он не коснулся» [8; с. 5, 421].

В.П. Боткин познакомился с произведением Н.Н. Толстого в рукописи: «Был у меня Толстой, проездом из деревни в Петербург. <...> Читал он мне записки своего брата об охоте на Кавказе – очень хорошо; у брата его положительный талант» [1, с. 103-104], – сообщал он Тургеневу.

«Охота на Кавказе» была опубликована в февральском номере «Современника» за 1857 г. Прочитав очерк, И.И. Панаев писал И.С. Тургеневу: «Толстой доставил <...> драгоценную, капитальную вещь своего брата «Охота на Кавказе». Мы упивались, читая её с Боткиным. Какая простота, грандиозность картин, какое величие приходы – чудо!» [6; с. 1, 134].

Основным содержанием «Охоты на Кавказе» является описание разного рода охот, советы по выбору оружия,

собак; замечания о том, как охотятся казак Епифан Сехин и кунаки Гирейхан, Адык Наврузов, Саип-абрек, другие горцы. Автор знакомит читателя с особенностями их быта, обычаями и фольклором. Глава «История Саип-абрека», завершающая очерки, рассказывает о сложности и трагизме взаимоотношений малых горских народов, разделённых этническими, социальными и религиозными взглядами. Повествование ведётся от лица ногайца Саипа, в молодости пленённого чеченцами и ставшего абреком. Автор подробно исследует психологию возникновения в горах такого явления как абреки: это – «большую частью канлы, то есть убийцы» [7, с. 59]. Двадцатью годами раньше подобные судьбы каллы Аджи, Хаджи-абрека, Селима, Бей-Булата стали сюжетами поэм М.Ю. Лермонтова. На Кавказе он впервые употребил новаторский приём изображения внутреннего мира человека, определив его так: «История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа» [2, с. 261]. Поэмы и прозу М.Ю. Лермонтова, любимого им с детства, Л.Н. Толстой перечитывал на Кавказе. Нам неизвестен круг чтения его брата, но можно предположить, что выбор книг мог совпадать. Абреки и гаджиреты Николая Толстого предстают столь же бесстрашными, коварными, похожими на героев поэм Лермонтова и, несмотря на попрание ими норм морали, возбуждающими чувство сострадания! Через 50 лет Толстой поставит в этот ряд и своего Хаджи-Мурата.

Из дневника Л.Н. Толстого можно сделать вывод, что на Кавказе братья имели возможность получать

книжные и журнальные новинки, среди которых их внимание не могли не привлечь охотничьи «Записки...» И.С. Тургенева и С.Т. Аксакова. Однако говорить о влиянии на очерки Н.Н. Толстого этих книг нельзя: свои записки Николай не предполагал печатать, ему было важно лишь сохранить на бумаге охотничьи впечатления, этнографические особенности народов гор, лирические размышления, портретные и психологические характеристики терских казаков и горцев. Тем не менее они напоминают по форме и содержанию рассказы Тургенева и Аксакова. Тем и замечателен тот факт, что за тысячи миль от России была написана книга, эхом перекликавшаяся с их «Записками».

То, что это произведение Н. Толстого, несмотря на его неизвестность не только читателям, но и большинству литературоведов, не утратило своей жизненности и в наше время, является свидетельством того, что М.М. Бахтин называет «диалогичностью текста»: любой текст является ответной реакцией на другие тексты. Так и в данном случае: последовательность элементов содержания очерков Н. Толстого, обозначенная в подзаголовках, соотносится со структурным делением С.Т. Аксаковым своих «Записок...». Отличие лишь в том, что цели у писателей были разные: Аксаков изначально диктовал, будучи уже слепым, «Записки...» для их публикации; Николай же об этом не думал. Отсюда – научная точность классификации Аксаковым разного вида ружей, охот, дичи, сезонных особенностей; у Николая Толстого – аналогичный, но не столь чёткий принцип деления глав: «Охота за дудаками. – Охота за кабанями. – Ищей-

ки. – Зверовые собаки» [7, с. 7], что соотносится с заглавием, конкретизирует его смысловое наполнение. Как и Аксакова, Н.Н. Толстого интересуют не только приёмы охоты на различных животных, но и их жизнедеятельность. Однако содержание этим не исчерпывается, т. к. помимо автора-охотника в очерках присутствует рассказчик – и активное действующее лицо, и наблюдатель событий, происходящих не только в мире природы, но и среди людей, и тонкий психолог, которому интересна «история души человеческой». Так описан старый казак Епифан Сехин, которому посвящена вся глава под названием «Окрестности Кизляра». Эти страницы были использованы Л.Н. Толстым при создании образа дяди Ерочки в «Казаках». Интересно сравнить дядю Епишку с его тургеневским собратом («Ермолай и мельничиха»): «Ермолай был человек престранного рода: беззаботен, как птица, довольно говорлив, рассеян. <...> Он подвергался самым разнообразным приключениям: ночевал в болотах, на деревьях, <...> сиживал не раз взаперти на чердаках, в погребках и сараях» [8; с. 4, 24] . – «Чего не видал человек этот в своей жизни! Он и в казематах сидел не однажды, и в Чечне был несколько раз. Вся жизнь его составляет ряд самых странных приключений; наш старик никогда не работал» [7; с. 15], – это Епифан Сехин.

Л.Н. Толстой записал в дневнике 29 октября 1852 г.: «Николенька пришёл ко мне и читал мне свои записки об охоте. У него много таланта. Но форма нехороша. Пусть он бросит рассказы об охоте, а обратит больше внимания на описание природы и нравов; они разнообразнее и очень хороши у

него» [5; с. 46, 147]. Совет брата-писателя был услышан и помог Николаю выразить свои эстетические взгляды: он сочувствует «порабощённым» народностям гор, сопереживает их трагическим судьбам. Особенно ярко это выразилось в последней главе «Охоты...» – в «Истории Саип-абрека». Рассказ Саипа о трагедии своей жизни Л.Н. Толстой будет перечитывать при работе над «Хаджи-Муратом». Помимо важных деталей о Шамиле, содержащихся в этой главе, Л.Н. Толстого заинтересовала здесь и кабардинская сказка-притча об улетевшем от хозяина приручённом ястребе, которого не приняли назад его собратья. Её вариант появился в «Хаджи-Мурате»: накануне побега от русских Хаджи-Мурат «вспомнил сказку тавлинскую о соколе, который был пойман, жил у людей и потом вернулся в свои горы к своим. Он вернулся, но в путях <...>. И соколы не приняли его. “Лети, – сказали они, – туда, где надели на тебя серебряные бубенцы. У нас нет бубенцов, нет и пут”. Сокол не хотел покидать родину и остался. Но другие соколы не приняли и заклевали его. “Так заклюют и меня”, – думал Хаджи-Мурат» [5; с. 35, 102]. Д.П. Маковицкий, прочитав в 1905 г. «Историю Саип-абрека», отозвался о ней так: «Описано великолепно, так, как если бы это Лев Николаевич записал» [9; с. 400].

В последние годы службы Н. Толстой начал писать повесть о человеке, «не помнящем родства», считавшем горы и лес своим домом. Вместо имени у него клички: Зайчик, Волковой, Пластун, Запорожец. Ребёнком его выкрали горцы из казачьей станицы; когда он вырос, его отпустили на свободу. Он становится пластуном, т. е. бездо-

мным разбойником, и воюет то на стороне русских, то против них. Часто и русская армия захватывала детей кавказцев. Судьба одного из них стала темой поэмы «Мцыри». «Послушник» – так Лермонтов перевёл это грузинское слово. Оно имеет и другие значения: «чужеземец», «одиноким человек, не имеющий родных». Судьбы Мцыри и Пластуна, их почти первобытное отношение к вере, к Богу, которого они физически ощущают в окружающей их природе, довольно схожи, несмотря на разные жизненные пути.

В 1922-1930 г. А.Е. Грузинский являлся заведующим отделом рукописей Л.Н. Толстого в Московском музее Толстого, где хранился и рукописный фонд Н. Толстого. В 1926 г. он опубликовал повесть «Пластун».

После выхода в отставку в 1858 г. Николай поселился в своём имении Никольское-Вяземское, охотился с Тургеневым и Фетом и записывал свои наблюдения. Они были опубликованы под заглавиями «Весенние поля» и «Заяц» в 1927 г. Спустя 60 лет после этой публикации, в 1987 г. все четыре сочинения Н.Н. Толстого были переизданы в Туле.

Н.Н. Толстой заслуживает большего интереса исследователей и издателей потому, что со временем может исчезнуть бесследно память и вклад в мировую литературу человека, о душе и таланте которого его брат писал так: «Качества <...> писателя, которые у него были, было прежде всего тонкое художественное чутьё, крайнее чувство меры, добродушный, весёлый юмор, необыкновенное, неистощимое воображение и правдивое, высоко нравственное мировоззрение, и всё это без малейшего самодовольства» [5; с. 34, 386].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Боткин В.П. и Тургенев И.С. Неизданная переписка 1851-1869 / подгот. к печ. Н.Л. Бродский. М.-Л-д: Academia, 1930. XVI, 350 с.
2. Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч. В 10 тт. / Гл. ред. В.В. Милюков. М.: Воскресенье, 2001-2002. Т. 6. 580 с.
3. Переписка И.С. Тургенева. В двух тт. / Ред. Вацуро В.Э., Гей Н.К. М.: Художественная литература, 1986. Т. 1. 607 с.
4. Стахович А.А. Клочки воспоминаний // Толстовский ежегодник / ред. С.Л. Толстой. М.: Изд-во О-ва Толстовского музея в Петербурге и Толстовского О-ва в Москве, 1912. 357 с.
5. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В 90 тт. / под общей ред. В.Г. Черткова. М.-Л-д: Художественная литература, 1928-1958. Т. 3: 346 с.; т. 34: 625 с.; т. 35: 709 с.; т. 46: 574 с.; т. 47: 618 с.; т. 60: 558 с.
6. Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями. В двух тт. / Сост. С.А. Розанова. М.: Художественная литература, 1978. Т. 1. 495 с.
7. Толстой Н.Н. Сочинения / сост. и вступ. статья Руднева В.М. Тула: Приокское книжное изд-во, 1987. 191 с.
8. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. В 28 тт. / М.-Л-д: АН СССР, 1960-1968. Т. 4: 613 с.; т. 5: 658 с. С. 421.
9. У Толстого. Яснополянские записки Д.П. Маковицкого. В 4 кн. : Серия «Литературное наследство». Т. 90 / Ред. Г.П. Бердников, Д.Д. Благой. М.: Наука, 1978-1981. Кн. 1. 543 с.